

Она понимала Штирлица

ЮБИЛЕЙ ТАТЬЯНЫ ЛИОЗНОВОЙ

Татьяна Лиознова начала нашу беседу так:

— Я люблю всех своих зрителей и благодарю тех, кто пишет мне письма. Хотела бы пожелать им удержаться самим и удержать своих детей на тех ценностях, которые нам предписывают Евангелие и русская литература. И еще — наши родители, прожившие жизнь так, что им не совестно.

Татьяна Лиознова — постановщик насмешливых и человеческих «Евдокии» и «Трех тополей на Плющихе», остросоциальных «Мы, нижеподписавшиеся», и таких разных, но одинаково и невероятно популярных «Карнавала» и «Семнадцати мгновений весны» — из немногих остающихся последних могилок советского кино, живых свидетелей его расцвета и его заката. «Мое сердце горюет о неудачах моей Родины, они режут его напополам», — говорит она сегодня, в день своего 80-летнего юбилея. И хотя настроение трудно назвать веселым — ведь как художник Татьяна Лиознова ностальгирует об ушедших временах и не скрывает неприятия совре-

менных нравов — оно, настроение, вполне боевое.

Дом Татьяны Лиозновой по-прежнему полон друзей-кинематографистов. А недостатка в друзьях-зрителях у нее не было никогда. Нет и сейчас. Это поистине достойно удивления — ведь времена и нравы изменились круто!

— Ваши фильмы еще недавно были очень модными. Как и многие другие советские картины. Но вот другие позабыты, а ваши популярны до сих пор... Как вы относитесь к понятию моды и чем бы вы объяснили их долговечность?

— Думаю, слово «мода» тут неупотребимо. Ведь люди приходят в кино не для того, чтобы показаться элегантными. Тем более что сейчас можно смотреть кино дома — и что же, демонстрировать перед телевизором свои элегантные модные тапочки?

Но вообще-то я, честно говоря, сама удивляюсь тому, что мои фильмы уцелели. Вот на День Москвы всегда показывают «Три тополя на Плющихе». Фильмы обычно долго не живут. А навсе-

гда остается только уж совсем классика — Эйзенштейн...

— А ваши пристрастия среди фильмов, которые называют классикой?

— Ну, знаменитого Феллини я вам не назову. А вот Витторио де Сики — его «Похитителей велосипедов» я не смогу забыть никогда. И «Машинист» Пьетро Джерми — он тоже из самых любимых. Как давно я смотрела эту картину — а до сих пор помню, потому что в ней заложены ценности, над которыми время не властно. Любому человек мечтает о том, чтобы наполнить душу ясностью и чистотой. Те, кто живут сейчас, не всегда это понимают. А вот я с удовольствием вспоминаю свое пятидесятилетнее трудовое прошлое, в том числе, кстати, и поездки на сельскохозяйственные работы. Рядом были мои товарищи, через три-пять дней мы с удовольствием возвращались в павильон и продолжали заниматься любимым делом...

Ценности, заложенные моими родителями, остаются ценностями. В мире существуют вечные вещи, существует Евангелие, не дающее людям заблудиться. И ес-

ли мои картины до сих пор смотрят — значит, в них есть некий заряд веры в людей, в их лучшее предназначение. Мне хотелось не омрачать их жизни, а осветить их, и, стало быть, это у меня получилось. В этом смысле я последовательница русской литературы. Мы бы и дальше следовали ее традициям, если бы не увлекались насилием, кровью, голыми задницами. А так у нас сегодня растет испорченный народ.

— Расскажите о том, что вы сейчас задумываете.

— Я сейчас не снимаю картин. Есть два-три произведения литературы, русской и западной классики, которые мне бы хотелось воплотить на экране. Иногда я ночью открываю книгу и читаю, перечитываю именно эти тексты... Но коллеги, с которыми мне так радостно работало, умерли. Да и мне сейчас перестраиваться и ждать от кого-то положенных на руку денег на постановку — нет, так я не смогу и не пытаюсь. Не хочу портить моего возвышенного представления о своем зрителе, искусстве, о моем народе.

Беседовал
Дмитрий САВОСИН

